

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Косых Татьяны Анатольевны

«С. Джонсон и конструирование британской национальной идентичности в XVIII в.», представленной на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (новая и новейшая история)

XVIII век в истории Британии был не только веком Просвещения, но и веком формирования у жителей ее составных частей – Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии – чувства общей судьбы, сопричастности, общего будущего, всего того, что принято называть идентичностью, британской нацией и «британскостью» (Britishness). Первые ростки «британскости» начали прорастать в британских композитах не одновременно и с разной интенсивностью. Общая непростая, сопровождаемая конфликтами, подозрениями, конфессиональными предубеждениями и фобиями история и текущая политика в одних композитах ускоряли этот процесс, а в других тормозили его. Инкорпорированный уже в начале XVI в. в состав Англии Уэльс раньше других обрел с Англией идентичность. Очевидно, что шотландские пресвитериане при Якове VI/I были ближе к интеграции, чем англичане, а при Оливере Кромвеле, вероятно, наоборот. Еще комплекснее обстояла ситуация в католической и более сложно в культурном, конфессиональном и языковом плане устроенной Ирландии. Но XVIII в. был еще и веком формирования морской британской империи, которая предложила жителям композитов такие возможности, которые позволяли блокировать негативную историческую память. Миграции из композитов в колонии свидетельствуют, что их жители легко отправлялись завоевывать счастье в британские заокеанские владения. Британскость и имперскость стали двумя главными фигурами речи политического и общественного дискурса Британии XVIII в. Очевидно также, что интеллектуалы британских композитов активно и со своей спецификой формировали имперскую и британскую эпистемы. Их вклад,

справедливо отмечает Т.А. Косых, недостаточно изучен, как и слабо изучены механизмы формирования британской нации.

Диссертационное исследование Т.А. Косых посвящено творчеству Сэмюэля Джонсона, одному из ведущих интеллектуальных авторитетов эпохи, классически и энциклопедически образованному, лексикографу, писателю, критику, биографу, моралисту, переводчику, драматургу, публицисту. Период его активной литературной деятельности – 30-е – середина 80-х гг. XVIII в. – стали «эпохой Джонсона» в Британии периода Просвещения. Жизненный путь С. Джонсона совпал с устойчивым ростом Британии как в экономическом, так и политическом отношениях, что позволяет согласиться с обоснованием хронологических рамок диссертационного исследования.

Диссертация открывается обстоятельным введением, в котором автор классифицирует опубликованные сочинения своего героя, принадлежавшие к разным жанрам и относящиеся к разным хронологическим периодам, а также начинает характеризовать современное состояние англоязычной и отечественной историографии по проблемам складывания британской нации и творчества С. Джонсона. Анализ изученности проблемы продолжен в первой главе диссертации. Здесь же воспроизводится биография интеллектуала (с.37 – 61).

Собственно, непосредственно само творчество С. Джонсона анализируется во 2 – 4-ой главах.

Вторая глава посвящена характеристикам, которые С. Джонсон дает народам и культурам Востока и континентальной Европы, порицанием их отрицательных и восхвалением положительных качеств. Диссертантка приходит к выводу о том, что лексикограф повторяет и развивает традиционный для эпохи Просвещения образ Востока как «другого». Как и большинство просветителей, С. Джонсон черпал сведения о Востоке из литературы. Его ориентализм представлял причудливую смесь представлений о деспотической Турции, мудром цяньюнском Китае и страдающей Индии, которые стереотипно воспроизводились для манифестирования достоинств Англии и англичан, а также

тех недостатков, которые уже якобы исчезли на Востоке, и которые предстоит изжить Англии в век разума. Изображения испанцев и французов, с которыми британцы соперничали и конфликтовали в Европе и колониях, тоже не отличались оригинальностью. Они рисовались коварными католиками и жестокими и хитрыми врагами. Фобии, берущие начало еще во времена Реформации, Непобедимой Армады, Порохового заговора, в периоды войны за Австрийское наследство, Семилетней войны и Войны за независимость североамериканских колоний получили, в том числе и благодаря доктору Джонсу, развитие и коррекцию (с.103-126). Здесь уместно заметить, что верный приверженец Высокой англиканской церкви С. Джонсон все-таки не был столь прямолинеен в своем антикатолицизме, как его представляет диссертантка. Утверждает же современный исследователь, приводя соответствующие цитаты, что «Джонсон тяготел к католицизму и многое находил в нем разумным» (Зыкова, Е.П. Литературный быт и литературные нравы в XVIII веке: искусство жизни в зеркале писем, дневников и мемуаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013.с. 184-185).

В третьей главе характеризуются взгляды доктора Джонсона на британские композиты, или, как пишет Т.А. Косых, «периферийные» территории Британии – Ирландию, Уэльс, Шотландию и североамериканские колонии Британской империи. За исключением Ирландии и колоний, знания о композитах ее герой приобрел не только посредством чтения и переписки, но и в ходе путешествий. Тревелогии С. Джонсона являются постоянным объектом интереса исследователей. С. Джонсон, отмечает Т.А. Косых, был далек от того, чтобы ставить знак равенства между Англией и другими территориями, делая известные исключения для Уэльса. Литературный «диктатор» Англии не желал признать равноправными англичанам их северных соседей – шотландцев, постоянно, на его взгляд, готовых к эмиграции и получивших благодаря Унии 1707 г. возможности для улучшения жизни и развития (с. 224). Аналогично почитать за счастье быть подданными британской короны должны были и американские колонисты, даже несмотря на отсутствие у них прав выбирать своих представителей в парламент. Несомненно,

в этой связи, как демонстрирует текст диссертационного исследования, интересным оказывается стремление лексикографа поддерживать ирландских интеллектуалов и защищать уникальность ирландской культуры, что свидетельствует о весьма своеобразной картине британского мира, сложившейся у С. Джонсона.

Четвертая глава диссертации называется «Ядро британской идентичности: конструирование “ментальной карты” нации». Т.А. Косых помещает в это ядро «Словарь английского языка» С. Джонсона (1755), английскую историю (прежде всего елизаветинскую), которой он касается в ряде своих произведений, Шекспира, «важнейших английских поэтов» и, наконец, самого С. Джонсона, «типичного англичанина», с его индивидуальными, специфическими, личностными пристрастиями, привычками и убеждениями. Создавая в одиночку словарь, С. Джонсон стремился не только к нормативности языка, но и ориентировался на существующую практику. Он фиксировал только те слова, которым находил текстуальное подтверждение (словарь содержал 116 тыс. цитат), что вероятно и предопределило успех его проекта, выдержавшего при жизни лексикографа 5 больших изданий и два десятка сокращенных. Бесспорно, словарь С. Джонсона, наряду с другими словарями, формировал практику словоупотребления на всем пространстве Британской империи.

Исторический интерес С. Джонсона, показано в диссертации, сфокусирован на истории Тюдоровской и Стюартовской Англии, особенно на «золотом веке» Елизаветы Тюдор, выведшей страну из медвежьего угла Европы на мировую сцену, и давшей стране богослова Ричарда Хукера, натурфилософа Френсиса Бэкона, драматурга Уильяма Шекспира и других поэтов, творчество которых С. Джонсон описал и, по мнению, диссертантки, сделал составной частью «ментальной карты» нации». Уильям Шекспир благодаря труду С. Джонсона по изданию редакции сочинений барда из Стратфорда-на-Эйвоне, подчеркивается в диссертации, стал национальным героем (с. 195-196).

В заключении автор выстраивает панораму основных идейных и культурных компонентов, из которых сформировалась британскость. Это образ «другого», скрепляющая британскость католическая угроза, английский язык, героическое символическое прошлое и его герои. Надо сказать, что Т.А. Косых удалось справиться с поставленными задачами и показать масштабность личности и творчества С. Джонсона в контексте идейных и политических трендов Британии XVIII в.

Вместе с тем диссертация Т.А. Косых не свободно от недостатков. Актуальность исследования обосновывается скорее политически – «ситуацией кризиса британской национальной идентичности в последней трети XX – начале XXI в. Референдумом по вопросу о независимости в Шотландии в сентябре 2014 г., как и референдумом о выходе Британии из Европейского союза в июне 2016 г.)», – чем академически. Тезис о том, что британскую идентичность невозможно изучать без фигуры С. Джонсона, не сопровождается аргументами и выглядит, как декларация. Утверждение Дж. Тревельяна о том, что период 30–80-х гг. XVIII в. в Британии – это «эпоха Джонсона», эту декларативность только усиливает (с. 3).

С. Джонсон выглядит, как сугубо английский писатель, англоцентричный в творчестве и по образу мысли, для которого Британия – это Англия и нуждающаяся в цивилизации периферия. Приведенный в диссертации материал, несомненно, свидетельствует о английскости «чистокровного англичанина» С. Джонсона (с. 205-219). А вот британскость лексикографа не выглядит столь же определенной. Контентная выборка из самой британской 4 главы диссертации «Ядро британской идентичности: конструирование «ментальной карты» нации» только усиливает сомнения: лексема «Британия», «британский» используется в ней около 80 раз, а лексема «Англия», «английский» - более 150 раз. Даже «Словарь английского языка» не добавляет, на наш взгляд, британскости С. Джонсу, поскольку придание языку нормативности и распространение языка – задачи только отчасти совпадающие. Думается, Реформация, английская Библия и

